

Археология: история и перспективы

Третья
межрегиональная
конференция

Ярославль
2007

Ответственный редактор:
А.Е. Леонтьев, д-р ист. наук

Редакционная коллегия:

Е.А. Анкудинова

Н.А. Грязнова

Л.А. Михайлова

Ю.Ю. Сабирова

Н.В. Артемьева

А 87

Археология: история и перспективы. Сборник статей 3-й межрегиональной конференции. – Ярославль, 2007. 260 с.

А 87

Книга представляет собой сборник статей участников III Межрегиональной конференции «Археология: история и перспективы», которая состоялась 18-19 октября 2006 г. в Ярославле. Сборник посвящен археологическому изучению Ярославского края и соседних регионов.

Книга предназначена для археологов, историков, краеведов, всех интересующихся историей.

© Коллектив авторов, 2007

© Ярославский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, 2007

© Государственный музей-заповедник «Ростовский Кремль», 2007

© Бороздинский М.Е., оформление, 2007

От редакционной коллекции

18-19 октября 2006 г. в Ярославском музее-заповеднике состоялась ставшая уже традиционной Третья межрегиональная конференция «Археология: история и перспективы». В ее работе приняли участие археологи, антропологи, архитекторы, краеведы, музейные работники, преподаватели и студенты высших учебных заведений из Москвы, Вологды, Череповца, Твери, Сергиева Посада, Плеса, Ростова, Рыбинска, Ярославля.

На конференции обсуждались проблемы изучения археологических памятников Верхневолжского региона в широком спектре от палеолита до позднего средневековья. Всего было сделано 38 докладов, ознакомивших участников с результатами полевых исследований последних лет.

Особое внимание было уделено материалам трехлетних (2004-2006 гг.) археологических раскопок в древнейшей части Ярославля, на месте планируемого строительства Успенского собора, проведенные по инициативе Администрации Ярославской области. Работы на площади свыше 2000 м² вела Ярославская экспедиция Отдела охранных раскопок Института Археологии РАН. Это первые столь масштабные исследования на территории города за всю историю его археологического изучения. В результате были изучены остатки Успенского собора XVII в., многочисленные постройки и сооружения XII-XVIII столетий, массовые захоронения, связанные с монгольским погромом 1238 г. На конференции итоги работ были представлены серией докладов авторов раскопок.

В настоящем сборнике представлены статьи, подготовленные участниками конференции.

Устроители конференции выражают благодарность Департаменту культуры и туризма Администрации Ярославской области за помощь в издании сборника.

материалов археологических раскопок) // История и культура Ростовской земли (далее – ИКРЗ), 1995. Ростов, 1996. С. 5.

⁵ Конявская Е.Л. Новгородская летопись XVI в. из собрания Т.Ф. Большакова // Новгородский исторический сборник. СПб, 2005. Вып. 10 (20). С. 338-341 (далее – Конявская, 2005).

⁶ Конявская Е.Л., 2005. С. 373.

⁷ Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII-XV вв. Т. 1. М., 1961. С. 187-196. Леонтьев А.Е. Древний Ростов и Успенский собор в археологических исследованиях 1992 г. (Предварительное сообщение) // ИКРЗ, 1992. Ростов, 1993. С. 163-166. Леонтьев А.Е. Археологические наблюдения в ростовском Успенском соборе // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 1993. Вып. 5. С. 162 – 171. Иоаннисян О.М., Леонтьев А.Е., Зыков П.Л., Торшин Е.Н. Памятники древнерусского зодчества XII – XIII вв. в Ростове Великом // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. М., 1999. Т. 5. С. 252-264.

Н. П. Рязанцев

Археологические исследования провинциальных музеев и краеведческих обществ в 1920-е годы

В дореволюционный период основным государственным учреждением, осуществлявшим надзор за археологическими раскопками, была Императорская археологическая комиссия, которая специальным указом 1889 г. получила исключительное право на осуществление археологических раскопок на государственных и крестьянских землях. Комиссия существовала до 1919 г., когда была преобразована в Российскую Академию истории материальной культуры, но практическая ее деятельность была прекращена уже в 1917 г. Ответственность за состояние археологической науки, за проведение раскопок и сохранность археологических памятников несло и Московское Археологическое общество, но его деятельность завершилась с началом Первой мировой войны. Таким образом, к 1917 г., то есть к моменту кардинальных политических потрясений, в стране не было ни одной государственной структуры или иной серьезной научной организации, которые отвечали бы за состояние археологической науки и практики. Некоторые исследователи утверждают, что только в 1919 г. этот «пробел» был восполнен, Российская Академия истории

материальной культуры взяла на себя функции, ранее выполнявшиеся ИАК и МАО, и началось становление собственно советской археологии.

На наш взгляд, с таким утверждением полностью согласиться нельзя. Значительно раньше этого события, а именно 28 мая 1918 г. при Народном комиссариате просвещения был создан Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины, в составе которого среди девяти подотделов начал действовать Археологический подотдел¹. В составе подотдела действовали секции – по производству раскопок, составлению карт и справочников, по собиранию и распределению археологического фонда. Археологический подотдел возглавил известный археолог, профессор Московского университета В.А.Городцов, который привлек для работы авторитетных специалистов с дореволюционным стажем. Хотя Музейный отдел официально был сформирован в мае, предварительная работа его будущих членов началась заблаговременно. Уже в начале апреля 1918 г. В.А.Городцов разработал первую инструкцию для работы Археологического подотдела и наметил список заповедных археологических территорий. В список вошли, например, курганы в Смоленской губернии, городище Старая Рязань, Дьяковское городище, Пьяноборские могильники и другие памятники². При очень небольшом штате подотдел имел возможность привлекать к работе на общественных началах многих специалистов. Кроме того, при подотделе действовал ученый совет, с которым согласовывались важнейшие решения. Например, в 1923 г. в состав ученого совета входили такие известные ученые, как профессора Ю.В.Готье и М.М.Богословский, академики А.И.Соболевский и Н.Я. Марр, крупнейший нумизмат А.В.Орешников и другие³. Основные направления работы подотдела разрабатывались с учетом мнения этих известных специалистов.

Когда появилась Российская Академия истории материальной культуры, её функции в некоторой части переплетались с функциями Музейного отдела. И тогда был разработан определенный механизм взаимодействия двух структур. Он касался, например, такого важного вопроса, как выдача открытых листов на право проведения археологических раскопок. Заявки на получение открытых листов поступали в Археологический подотдел Музейного отдела. В.А.Городцов делал в таком случае запрос в РАИМК, и только после получения научного заключения последнего выдавал лист от имени подотдела. Количество выданных провинциальным музеям и краеведческим обществам открытых листов на протяжении первых лет деятельности подотдела оставалось незначительным. Так, в 1919 г. было выдано 20 листов, в 1920 г. – 13, в 1921 г. – 13 (по другим данным – 15), в 1923 г. – 34 листа⁴.

Восстановить с помощью открытых листов контроль за проведением археологических раскопок в полной мере, видимо, не удалось. Об этом

свидетельствуют данные о количестве проводившихся за тот или иной период раскопок. Так, в 1922 г. раскопки проводились на 54-х территориях, а открытых листов на этот год было выдано только 18, в 1923 г. велись раскопки в 124-х местах, а листов было выдано лишь 34. Музейный отдел был вынужден в том же 1923 г. констатировать, что многие губернские музеи проводят раскопки без открытых листов и идут на нарушение ст. 102 Уголовного кодекса⁵.

На протяжении нескольких лет после революции структура Музейного отдела неоднократно менялась. Так, в феврале 1921 г. при Наркомпросе было создано новое управление, которое вскоре получило наименование Главного управления научными, музейными и научно-художественными учреждениями Наркомпроса (сокращенно Главнаука). В состав Главнауки в качестве одного из подразделений вошел и Музейный отдел. В его составе осталось всего четыре подотдела, в том числе и археологический⁶. В начале 1920-х гг. аппарат управления Наркомпроса подвергся неоднократным проверкам со стороны комиссии по сокращению аппарата. Комиссия признала целесообразным ликвидировать специальный археологический подотдел, передав его функции в подотдел учета и охраны памятников. Мотивировалось это незначительностью его штата, сезонным характером работы и близостью его функций другим подотделам. Но Главнаука отстояла структуру Музейного отдела с включением в него пяти подотделов, в том числе и подотдела археологии. Эта структура просуществовала почти без изменений до конца 1920-х гг. Таким образом, археологическая составляющая на протяжении более десяти лет оставалась одним из главных направлений деятельности как Музейного отдела, так и провинциальных музеев и краеведческих обществ страны.

В ноябре 1918 г. было принято решение Наркомпроса о создании на местах губернских подотделов по делам музеев и охране памятников искусства и старины. Оставаясь автономными в пределах губернии, они действовали под общим руководством Музейного отдела. В состав каждого подотдела входили специалисты-художники, музейные работники, архитекторы, археологи и историки⁷. В первом составе Ярославского губернского подотдела, например, должность археолога занимал известный в городе специалист, историк и краевед Н.Г. Первухин. Должность археолога сохранялась и в следующих составах подотдела. Археологи были введены в штат уездных подотделов и на общественных началах работали в краеведческих обществах. Так, в Угличе в подотдел входил археолог К.М. Ярославский, а в Рыбинском научном обществе работал археолог Л.А. Альбицкий⁸. Ежегодные отчеты губернских музеев также всегда содержали раздел о состоянии археологических исследований в крае. Такая же информация содержалась и в отчетах краеведческих обществ.

В отчете Ростовского научного общества, например, речь шла о совместных с Ростовским музеем раскопках 1925 г. На раскопках Сарского городища, которые велись под руководством Д.Н. Эдинга, ежедневно было занято до 23-х человек. Была проведена съемка городища и его фотофиксация. Из заслуживающих внимания объектов отчет называет защитную стену между первым и вторым валами, которые были выполнены из плотно примыкающих друг к другу срубов, заполненных землей. Кроме того, археологами был обнаружен открытый очаг и очаг в землянке. В сезоне 1925 г. было найдено 272 предмета, среди которых обломки тиглей и щипцы, что указывало на хорошо развитое литейное производство. Некоторые находки, по мнению археологов, указывали на их скандинавское происхождение – заклепка от крупной лодки и «подковка». По итогам двух археологических сезонов специалисты сделали следующий вывод: «Предположение о существовании в Ростовском крае финских племен (мери) не только облекается в плоть и кровь, но и несколько углубляется в том отношении, что устанавливается близость мерии с финнами бассейна Камы, а не Оки»⁹.

В Переславль-Залесском уезде Владимирской губернии член местного краеведческого общества С.Е. Елховский на реке Куротне (западный берег Плещеева озера) открыл стоянку раннего каменного века. В ходе раскопок при удалении самого верхнего слоя здесь были обнаружены огромные «культурные» ямы до 1 метра в диаметре с гладкими старыми черепками и большими углями. Еще отчетливее культурный слой до полуметра толщиной выступал у самой Куротни, где вал был обнажен и достигал 3 метров высоты. Здесь были найдены черепки с орнаментом в виде елочки, совершенно гладкие черепки, кремневые скребки. В мае 1927 г. С.Е. Елховским был открыт новый памятник в овраге Пальники недалеко от Переславля. Все находки местных краеведов были переданы в Переславский музей¹⁰.

Подобные совместные раскопки осуществлялись музеями и краеведческими обществами в Казанской, Самарской, Саратовской, Тульской, Царицынской и Калужской губерниях. Средства на эти раскопки выделял Музейный отдел Наркомпроса. Вопрос о финансировании работ стоял довольно остро. Средств из года в год не хватало. Вместе с тем из протоколов заседаний Музейного отдела видно, что запрашиваемые В.А. Городцовым дополнительные средства, как правило, выделялись с обязательным указанием на их целевое использование. Так, в июне 1920 г. более 100 тысяч рублей сверх запланированного было выделено для археологического обследования Воронежской губернии, а в январе 1921 г. подотделу выделили еще 200 тысяч рублей на подобные работы в других губерниях¹¹.

Создание разветвленной системы органов охраны памятников позволило Археологическому подотделу развернуть более масштабную работу.

На 1923-1924 г. отдел запланировал созыв археологической конференции в Москве, издание трудов по современной археологии, продолжение борьбы с « хищническими и ненаучными раскопками», а также пропаганду бережного отношения к памятникам археологии, в том числе и с помощью показательных раскопок¹².

С середины 1920-х гг. краеведческие общества и музеи активизировали деятельность по методическому обеспечению археологических раскопок. При Музейном отделе начала работать методическая комиссия по организации археологических работ (одна из шести). В ее задачу входила и музейно-просветительская работа, направленная на предупреждение варварских раскопок, всякого рода кладоискательства и «гробокопательства», то есть на охрану археологических памятников, которые также сильно пострадали в годы революции. Этим же целям служили разработанные в Археологическом подотделе в 1926-1927 гг. циркуляр «Об охране археологических памятников» и две инструкции к открытым листам¹³.

Для пропаганды идеи сохранения археологических памятников и сбора дополнительной информации о них широко использовался журнал «Краеведение», орган Центрального бюро краеведения. В 1929 г. в нем была опубликована «Примерная анкета по учету памятников древности», разработанная известным археологом А.А. Спицыным. Она состояла из 10-ти пунктов и предполагала ответы на следующие вопросы. Наименование памятника – курганы, городища, могильники, жертвенные места, стоянки каменного века, остатки жилищ и другие обычные памятники, а также более редкие памятники – погребальные камеры, мастерские, карьеры для добывания материалов, камни с надписями, писаницы, древние дороги и т.д. Местоположение памятника, при этом желательным было нанесение его на местную карту. Чертеж памятника, хотя бы приблизительный. Предложения о мерах к его сохранению. Очень подробно анкета разъясняла методику проведения разведки ранее неизвестных памятников. Для этого предлагалось внимательно осматривать устья даже малых рек, песчаные дюны, береговые обрывы, овраги, старые берега озер, собирать сведения о находках при железнодорожных и иных строительных работах, при добыче торфа и т.п. В заключение анкета обращала особое внимание корреспондентов на то, что «памятники древности признаны государственной собственностью и раскопки их разрешаются лишь... по открытым листам Главнауки. Раскопки без разрешения наказываются, как порча и уничтожение государственного достояния»¹⁴.

Этим же целям служила опубликованная брошюра Н.В. Сибилева «Как я провожу археологические разведки» (1927 г.). Выпущенная небольшим тиражом, она быстро разошлась, и автор повторил ее основные положения в журнале «Краеведение». Автор писал о том, что у детей, в осо-

бенности у детей школьного возраста, проявляется большой интерес к памятникам археологии. Чтобы у них не возник соблазн заниматься самостоятельными раскопками, необходимо их привлекать к разведочным экскурсиям, к коллективному сбору тех археологических материалов, которые находятся на поверхности памятника.

Далее он подробно описывал свой опыт такой работы вплоть до мельчайших подробностей организации. Видимо, в ответ на замечания коллег о том, что участие в разведках может впоследствии толкнуть детей на самостоятельные раскопки, он заостряет внимание на другой опасности, которая стала угрожать археологическим памятникам в конце 1920-х гг. «В самое последнее время, - писал Н.В. Сибилев, - появился новый, еще более грозный враг – Волховстрой, Днепрострой, Свирьстрой и другие бесчисленные «строи». Как я убедился во время разведок на Валдайской возвышенности, большинство стоянок на зашлюзованных озерах уже затоплено, а летом 1928 г. будут затоплены новые, так как ради питания Волховстроя шлюзы поднимаются. То же самое должно случиться в ближайшее десятилетие и с донными стоянками на всех реках, где сейчас сооружаются шлюзы. Сотни стоянок скроются под водой, сотни тысяч вещей погибнут. Вот почему нужны экстренные меры, необходимы широкие исследования..., нужен массовый сбор материала»¹⁵.

Эту опасность окончательного затопления и разрушения археологических памятников в местах крупных строек довольно быстро осознали и в Археологическом подотделе. Уже в отчете подотдела за 1926-1927 гг. отмечалось, что одна из ближайших задач – это «увязка археологических изысканий с крупными хозяйственно-строительными работами» в стране¹⁶. Еще ранее один из руководителей Музейного отдела, известный искусствовед и художник И.Э. Грабарь на заседании Строительной секции Госплана предложил провести регистрацию всех памятников по категориям. Для этого в каждый уезд обследуемых губерний должна была направиться экспедиция из трех лиц - архитектора, археолога и технического сотрудника. Собранные на местах материалы должны были обобщаться и систематизироваться в Москве. Обобщенные материалы становились основой для составления особых памятных книжек по всем губерниям. Строительная секция Госплана одобрила эти предложения и приняла решение о выделении на три ближайших года 200 – 250 тысяч рублей для проведения намеченных работ¹⁷.

Сейчас сложно сказать, в какой степени эти решения были выполнены на местах. Но многие археологические раскопки второй половины 1920-х гг., проведенные в местах будущего строительства, объективно способствовали сохранению археологических памятников хотя бы в музеях. К таким раскопкам можно отнести масштабные работы, проводившиеся под руководством Н.М. Коробкова в Мологском уезде Ярославской губер-

нии. Оказавшись в Мологе не по своей воле, а в качестве ссыльного, этот воспитанник Московского археологического института и юридического факультета Московского университета возглавил экспедицию Мологского общества по изучению родного края. В течение 1926 – 1927 гг. экспедиция обследовала несколько сотен курганов. Результатом этой масштабной работы стала книга Н.М.Коробкова «Прозоровские могильники» и большая коллекция археологических материалов, переданная в Мологский краеведческий музей.

При проведении раскопок у деревни Яковлевской экспедиция Н.М.Коробкова обнаружила жальник новгородского типа XIII – XIV вв. Во время его обследования произошла трагедия - обвал раскопа, в результате которого погибли 4 человека¹⁸. По этому факту было заведено уголовное дело, началось судебное расследование. Возможно, этот трагический случай негативно повлиял на дальнейшую судьбу археолога. В Москву он смог вернуться с семьей только в 1933 г. В дальнейшем Н.М.Коробков стал профессором, крупным авторитетом в истории и археологии, возглавлял Всероссийский Научно-исследовательский институт краеведческой и музейной работы¹⁹.

Таким образом, силами провинциальных музеев и краеведческих обществ при постоянной организационной, научно-методической и финансовой поддержке музейного отдела Наркомпроса велись археологические исследования на большей части европейской территории страны. Благодаря этому удалось спасти множество памятников археологии, создать соответствующие экспозиции в краеведческих музеях, существенно пополнить музейные фонды. На наш взгляд, весьма интенсивные археологические раскопки стали возможны при сочетании целого ряда благоприятных факторов. Среди них главными были – деятельность специального Археологического подотдела в структуре Наркомпроса, активное участие в его работе многих специалистов-археологов с дореволюционным опытом, становление губернских и уездных органов охраны памятников, где также преобладали старые специалисты, в условиях массового краеведческого движения и музейного строительства на местах.

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 2306. Оп. 2. Д.135 а. Л. 113.

² ГАРФ. Ф.2307. Оп.3. Д. 53. Л. 4 об. Д. 4. Л. 65.

³ Там же. Д. 19. Л. 71.

⁴ Там же. Д. 53. Л. 4 об.

⁵ ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 8. Д. 4. Л. 106.

⁶ Там же. Оп. 3. Д. 51. Л.15.

⁷ ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 28. Д. 18. Л. 40 об.

⁸ См.: Рязанцев Н.П. «Спасти живую старину...»: Охрана памятников и музейное строительство в Ярославской губернии в 1918 – 1929 гг. Ярославль, 2000. С. 13, 17-18.

⁹ «Вглядись в минувшее бесстрашно...»: Культурная жизнь Ярославского края 20 – 30-х гг.: Документы и материалы. Ярославль, 1995. С. 203.

¹⁰ Краеведение. 1928. № 1. С. 32-33.

¹¹ ГАРФ. Ф. 2307. Оп.3. Д. 20 б. Л. 50, 14.

¹² Там же. Оп.3. Д. 19. Л. 76.

¹³ Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 54. Оп. 1. Д. 542. Л. 10.

¹⁴ Краеведение. 1929. № 10. С. 620-621.

¹⁵ Краеведение. 1929. № 10. С. 293.

¹⁶ Опии ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 542. Л. 10.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 3. Д. 65. Л. 75-76.

¹⁸ Краеведение. 1927. № 2. С. 221.

¹⁹ См.: Молога: Литературно-исторический сборник. Рыбинск, 1997. Вып. 3. С. 82 – 83.

Е. В. Спиридонова

Керамические игрушки XIII–XVIII веков из Ярославля

Игрушка – одно из ярких проявлений массовой культуры, глубоко жизненное и народное. Среди археологических находок из раскопок древнерусских городов глиняные птички, коники, погремушки, свистульки и другие игрушки встречаются достаточно часто. Известно, что уже в XI–XII веках существовало ремесленное производство игрушек в Киеве и Новгороде. Здесь при раскопках были обнаружены гончарные мастерские, в которых, помимо посуды, изготавливали и керамические игрушки. Археологические работы в Москве, Коломне и ряде других городов дали много нового для изучения глиняных игрушек XIV–XVIII веков. Керамические игрушки делали из красной или белой глины, могли покрывать ангобом или поливой.

Существует несколько классификаций игрушек. А.С. Хорошев, например, делил игрушки на индивидуальные и коллективные. Индивидуальные автор в свою очередь разделял на имитации (копии оружия, повозок), изобразительные (антропо- и зооморфные) и игрушки-забавы